

Камень, ножницы, бумага

(Excerpt in Russian)

Translated by: Aleksandra Krasovets

Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com

2.

Андрея лишь одна из тех людей, которые были частью моего прошлого — не очень важной частью, конечно, — и которые с годами куда-то растерялись. Наверно тут нет ничего необычного, так бывает в жизни.

Моя проблема в том, что мне не удавалось поддерживать связь даже с теми людьми, которые были для меня важны.

У меня никогда не получалось сохранить ни одного друга; ни с факультета, ни из средней или начальной школы, что уж говорить о детском саде. Рано или поздно все куда-то исчезали. Когда не было больше внешней причины для поддержания контактов, то они почти тут же прекращались. И с Борисом мы бы наверняка тоже разошлись — эти события все только ускорили.

В отношениях с членами семьи существенной разницы нет: время от времени телефонный звонок, поздравление на новый год и совместный обед по случаю какого-нибудь дня рождения или свадьбы, или похорон. На самом деле я их даже люблю, хотя кроме генов и детских воспоминаний у нас нет почти ничего общего. Когда я их вижу, то большинству из них искренне рад, но, если бы я сказал, что в промежутках между нашими встречами мне их не хватает, то соврал бы. Предполагаю, что их чувства ко мне похожи.

Коллеги по работе — это отдельная категория. Что-то на подобии соседей. Когда я выйду на пенсию и окажусь в доме для престарелых, то мы с облегчением забудем, что когда-либо были знакомы. Это нормально. Ожидание этого момента помогает нам сдержаться, чтобы не вцепиться друг в друга и всех не поубивать.

По дороге на работу возле почтовых ящиков меня останавливает господин Мракобрада.

Это не прозвище, а фамилия, которая ему полностью подходит. Большую часть времени он в плохом настроении, всегда жалуется и собирает подписи для всего подряд. И в этот раз он моментом набрасывается на меня с толстой папкой.

— Сосед, подпишите петицию против голубей?

— Я очень спешу, опаздываю... — пытаюсь я от него отвертеться, но он загораживает мне выход из подъезда, так что я не могу пройти мимо него.

— Может, вы случайно не заметили, но голубиный помёт существенно портит эстетический вид наружной лестницы...

От него исходит едва заметный запах невымытого человеческого тела и потной одежды. Наверняка он уже неделю не переодевался.

— Извините, меня и правда не интересует... — пытаюсь я его перебить.

— Это самая большая проблема! Что никого не интересует! — повышает он голос и еще больше хмурится.

— Кроме того я сомневаюсь, что голуби обратят внимание на вашу петицию. Скорее всего они на нее... Ну, вы знаете что.

— Всем все равно, никого не колышет, поэтому все идет к чертям собачьим! — продолжает Мракобрада, и его мрачность начинает приобретать оттенки, которые мне не нравятся. — Я знаю, вам действительно может быть все равно! Вы на бюджетной службе, полторы штуки в месяц, на все остальное вам глубоко насрать, не так ли? Вы, возможно, уже когда-нибудь слышали о социальной ответственности, солидарности и тому подобном? Ну, слышали? — спрашивает он меня, и больше нет никаких сомнений, что он надо мной издевается. Это мне не нравится. Сжимаю челюсть, но с наибольшим удовольствием я бы сжал еще кулак и разбил ему морду.

В начальной школе в моем классе была одна девочка — Таня.

Позже Таня уже не была моей одноклассницей, так как осталась на второй год: тогда еще было так, что ученикам не позволяли учиться дальше, если они не отвечали минимальным стандартным требованиям.

Еще позже Таня стала манекенщицей или фотомodelью, или что-то в этом роде, и какое-то время я ее видел по телевидению в рекламе мороженого.

А в восемь лет она была маленькой упитанной соплячкой с длинным языком. Однажды в гардеробе она выбрала меня в качестве жертвы — придумала какой-то стишок, да даже и не стишок. Скорее слоган для скандирования, который как помешанная повторяла: «Фары на носу, намордник в зубах грызу, фары на носу, намордник в зубах грызу, фары на носу, намордник в зубах грызу...»

Из-за своей близорукости я уже тогда носил очки, и за день до этого мне поставили на зубы брекеты — моей маме казалось, что между двумя передними зубами у меня слишком большая щербинка, а ортодонт с ней согласился. Брекеты тогда были не очень распространены, поэтому в школе я был какое-то время самой настоящей диковинкой. Даже некоторые учительницы просили меня открыть рот, чтобы рассмотреть это чудо.

Когда Таня начала гавкать на меня в гардеробе, вокруг нас быстро собралась целая куча детей. Некоторые немного погодя к ней присоединились своими вскриками, и ничто не указывало на то, что они вскоре перестанут. Я сидел на скамейке, а вокруг меня масса насмехающихся лиц. Сперва я был растерян, вскоре мне стало неприятно, мне было стыдно, в голове я чувствовал странный жар, и не хватало совсем немного, чтобы я расплакался. Я сдерживал себя лишь потому, что хорошо знал, что потом будет еще хуже.

Будто чувствуя, что я готов сломаться, Таня подошла еще на шаг ближе и закричала прямо в меня: «Фары на носу, намордник в зубах грызу...»

Изо рта у нее брызнула слюна и оставляла на моих очках маленькие капельки. И тогда произошло нечто удивительное. Вместо того, чтобы распустить нюни, меня обдал еще больший жар, который затопил все остальное. Осталось лишь желание как следует врезать по сморщенной девчоночьей физиономии, которая маячила передо мной. Я схватил первое, что попало мне под руку, и бешено замахнулся. Не помню, был ли это мой ботинок или кого-то еще. Помню только, что скандирование прекратилось и что заплакал не я, а Таня. Из носа у нее

текла кровь.

Так благодаря брекетам у меня сегодня ровные зубы, которые я умею при необходимости показывать.

Я смотрю на господина Мракобраду и широко ему улыбаюсь.

— Вы абсолютно правы, — говорю я. — Мы слишком мало заботимся о вещах. Нет времени, понимаете. Счастье еще, что есть такие люди, как вы. Покажите, где нужно расписаться...

Беру у него ручку и рисую завитушку там, где он показывает мне указательным пальцем. Я вижу, что ногти у него желтые от табака. Вижу, что я лишь третий подписавшийся. Остальные два — Мракобрада и глухая старушка со второго этажа. От этой глупости не будет, конечно, никакого проку, но и ущерба тоже.

Направляясь к машине, я размышляю о том, что Таня, возможно, и не была такой уж злобной, как я о ней думал все эти годы. Возможно, ей просто казалось это забавным. Невинная шутка. С одним-единственным недостатком — она была несмешной, по крайней мере для меня. Потом спрашиваю себя, что я там такое несколько минут назад подписал и что произойдет с голубями. Надеюсь, что Мракобрада не соберет достаточно подписей, чтобы их отравить или что-нибудь в этом роде.